

Алиса Хвас. Воспоминания

Культура. 1998. 30 июля. — 5 абз. — с. 10

Алиса Яковлевна Хвас (1895 — 1975). Родилась в Москве. С раннего детства увлекалась рисованием.

Мечтала поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. После окончания в 1912 году 4-й Московской женской гимназии занималась в студиях Л.О.Пастернака, К.Ф.Юона, И.И.Машкова. Начавшаяся мировая война круто изменила течение ее жизни. Живопись была отставлена и, как оказалось, навсегда.

В апреле 1916 г. она окончила 3-месячные курсы сестер милосердия в Фельдшерском и акушерском училище доктора медицины Я.Б.Левинсона и была допущена к исполнению обязанностей по уходу за больными и ранеными.

Ровно через год медицинский факультет Московского университета выдал ей свидетельство об утверждении ее в звании зубного врача. В последующие годы А.Я.Хвас работала в самых разных медицинских учреждениях, с 1918 по 1936 гг. в Кремлевской больнице.

В 1937 г. был арестован и расстрелян ее муж И.А.Поляков, один из организаторов и руководителей Соврахта.

Оставшиеся годы жизни она посвятила дочери и внучке своей сестры Иды Яковлевны Хвас.

По субботам и воскресеньям поэты и художники собирались у нас. Часто приходили прямо с вернисажа, взбурдаженные, утомленные, и сразу же просили Иду играть — она играла Скрябина, Шопена, Вагнера, Рахманинова и особенно любимое художниками "Лебединое озеро" Чайковского, и они очень сосредоточенно слушали. А потом, как правило, вспыхивали споры и дискуссии по поводу того, что происходило на выставках.

Вернисажи "Бубнового вале-та", как и все вернисажи прочих творческих объединений, носили помпезный характер. Часто на них играл оркестр. По залам медленно и плавно передвигались шикарно одетые женщины, подтянутая нарядная публика и молодежь студенческого вида. Вижу, как сейчас, двух сестер — красавиц Бирюковых (их родители были владельцами Краснопресненских бань). Их сопровождают художники Миллиотти и Добужинский, торжественно и величаво шагая рядом, оба в смокингах, с туберозами в петлицах. Добужинский с моноклем. Шныряют из конца в конец зала братья Бурлюки с деревянными ложками в петлицах.

На одной из таких выставок произошло наше настоящее знакомство с Владимиром Владимировичем Маяковским. На этой выставке мы были вместе с приятельницей сестры, поэтессой Варей Мамоновой. Неожиданно к нам подходит размашистой походкой какой-то незнакомый юноша и громко и беззастенчиво направляется к Иде в гости на том основании, что он якобы знает о том, что у нее сегодня собираются "Бубновые вальсы", и он тоже должен быть приглашенным потому, что он очень талантливый. И тут же обращается к ее приятельнице с каким-то неуместным и пошлым комплиментом по поводу ее "белоснежных зубов". Сестру покорило от такой беспардонности, но под давлением его настойчивости, она в конце концов адрес незнакомцу дала. Я вспомнила, что уже однажды его мельком видела в лавчонке Осипа, швейцара ВХУТЕМАСа. Высокий, косая сажень в плечах, детина, в пелерине и широкополой шляпе, он стоял с моим приятелем художником, Левой Шехтелем (Жегиным) и большеголовым Васей Чекрыгиным, рядом с которыми казался испо-

лином, и что-то им, энергично жестикулируя, рассказывал. Мимоходом поздоровавшись с друзьями и бегло взглянув на их собеседника, я тогда быстро прошла мимо, так как была взволнована предстоящим в этот день экзаменом по рисунку.

К Идиной радости, Маяковский (а это был он) после вернисажа не пришел. Появился он на следующий день неожиданно, даже не предупредив предварительно по телефону, и очень нехотя, так как я лежала с высокой температурой. Сестра приняла его холодно. Он был смущен, неловко извинился, хотел уйти, но она предложила ему, уж раз пришел, остаться. С этого для Володя стал нашим всегдашним гостем, а постепенно и большим другом. Мы виделись почти ежедневно, много гуляли, ходили на выставки, бегали вдвоем в лавчонку к Осипу в ВХУТЕМАС за бумагой, красками и углем.

Осипа до сих пор помнят старые художники, с которыми мне привелось последнее время встречаться. В подвале ВХУТЕМАСа у него была лавчонка, где он продавал художникам нужные для них принадлежности. Человек он был добрый, отзывчивый, любил их отеческой любовью, давал в долг кисти, краски и альбомы для набросков и даже ссужал деньгами, которые они ему подчас так и не возвращали. Да он и не требовал.

Почти каждое воскресенье мы вдвоем с Володией посещали Щукинскую выставку в особняке на Знаменке. Поднимаясь по лестнице, над которой висел мой любимый "Танец" Матисса, мы почему-то всегда молчали и, возвращаясь домой вдоль набережной, шли тоже молча и смотрели на реку...

Как это ни странно, в начале нашей дружбы я не знала о его очень тесной дружбе с молодыми Шехтелями, Левой Жегиным и его сестрой Верочкой, с которыми я тоже дружила. Шехтели жили на Большой Садовой в особняке, выстроенном их отцом академиком Шехтелем для своей семьи. И уже гораздо позднее выяснилось, что Маяковский приходил часто к нам от них — шел пешком по Триумфальной-Садовой от их дома до нашего, или наоборот... А по дороге еще частенько заходил навестить семью знакомого врача Когана, у которого на углу Са-

довой и Тверской была частная лечебница. О дружбе с его женой он тоже никогда не рассказывал, и мы об этом узнали случайно. Вообще он никогда никому не рассказывал ни о своем прошлом, ни о юношеской политической деятельности, так же, как и о матери, сестрах и вообще о друзьях и знакомых. Все это он держал в непроницаемой тайне, и только поэт Константин Большаков, которого очень любил, он привел к нам для того, чтобы мы вместе проводили время. Ко всем другим из наших приятелей, кто появлялся рядом, относился ревниво и задирился. Исключение составляли только очень любимый им талантливый Вася Чекрыгин, впоследствии трагически погибший, попав под дачный поезд, и молодые "Шехтеля", дружба с которыми была неразрывна. Верочка его обожала... Познакомил меня с Левой и Верочкой еще раньше Саша Осмеркин, связав меня на всю жизнь с этой семьей самыми тесными узами.

Фамилия Шехтель была известна всему архитектурному миру. Один из ярчайших градостроителей века, создатель, как теперь пишут в отечественных и западных монографиях, "русского модерна", Федор Осипович Шехтель подарил Москве ряд замечательных зданий и особняков, ставших шедеврами мировой архитектуры, в которых, сочетая элементы различных эпох и стилей — Ренессанс, готику, античность и русский классицизм — с современной архитектурой, создал свой, сугубо Шехтелевский стиль отечественного неомодерна, Лева, будучи, как и его друзья Маяковский, Чекрыгин и Осмеркин, художником левого течения, органически не воспринимал стиля модерн, пренебрежительно относился к творчеству отца, иронизируя по поводу того, что он, дескать, "испортил пол-Москвы". В противоположность этому сам Шехтель относился к увлечению молодого поколения вполне терпимо, что дало возможность Лева и Верочке, тоже талантливой художнице, устроить в огромном холле шикарно шехтелевского особняка, украшенного шедеврами мировой живописи, выставку работ своих друзей футуристов.

Первый "представительный", этаж этого особняка занимали родители и их старшая дочь Китти, а Лева и Осмеркина жили

наверху, в мезонине, и так как их друзьям в апартаменты нижнего этажа, где все дышало изысканностью, красотой и комфортом и лакеи подавали к столу в белых перчатках, допуска не было, и Маяковский и Осмеркин, Вася Чекрыгин и все прочие, пробирались в мезонин через двор. Но поскольку Федор Осипович был знаком с моими родителями, и к отцу нашему испытывал, как он говорил, особое почтение за вполне соответствующее его пониманию воспитание, которое он давал своим дочерям, мне бывать в этих феенебельных апартаментах не возбранялось. Но несмотря на присутствие в них жены хозяина, Наталии Тимофеевны, милой и приветливой, но всегда тихой и как бы придавленной значительностью своего прославленного мужа, я чувствовала себя там принужденно и натянуто. Зато в мезонин к молодым Шехтелям всегда приходила с удовольствием и особенно подружилась с Верочкой, существом очаровательным и очень своеобразным, и до конца жизни она так и осталась моей самой близкой подругой. Приятельские отношения у меня на всю жизнь остались и с Левой. Какой-то период еще в юности, когда ему нужно было освободиться от воинской повинности, мы даже состояли с ним в фиктивном браке.

В первые годы революции у Шехтеля отняли построенный им для семьи дом и поселили их в общую перенаселенную квартиру, на Малой Дмитровке. Мы стали жить рядом, и наша дружба с Верочкой так же, как потом и дружба наших детей Вадима, Марины и Ляли, потянулась сквозь длинные годы... Почти каждый день мы делились с ней своими самыми сокровенными радостями и печалью. В доме Шехтелей меня называли "Алиса, скорая помощь". В семье их, как в любой другой, было не все просто. Верочку это мучило, и в "момент пик" она, а после ее смерти и ее дети, вызывали меня к себе для того, чтобы я, как царь Соломон, помогла распутать какой-нибудь назревший семейный узел. Постигшее ее мучительное, тянувшееся многие годы, заболевание Верочка переносила героически мужественно, оставаясь все такой же деловито-собранный, живой и смешливой, и, не потеряв присущего ей юмора и энергии, даже обреченная на костыли продолжала работать стоя, все также оставаясь стержнем и душой семьи. Настигшую ее новую, смертельную болезнь она встретила бесстрашно. Последние дни я посещала ее ежедневно и видела ее за несколько часов до смерти. Дня за два до этого она сказала за чаем: "Доктор сказал, что когда появится на зубах кровь, останусь два дня". Так и случилось... Готовясь к этому, она сделала из белой бумаги голубя и в минуту прощания передала его детям как символ мира в доме, с последним вздохом выдохнув имя Вадима и Марины... Незадолго до смерти она отдала мне все свои личные, интимные письма, попросив их сжечь, когда ее не станет. Когда это случилось, я заперлась в своей комнате и долго жгла когда-то полные значения и живого дыхания жизни знаки и сквозь слезы и вьющийся вокруг горящих листов дым снова видела свою и Верочкину юность...

Публикация
Аллы РУСТАЙКИС